

Дарья ДВОЙНОЙ
СМЕШНОЙ
ДЕТЕКТИВ

Калитчина

НА ШПИПЬКАХ
ПО ДЖУНГЛЯМ
ЦВЕТОЧНОЕ
АПИБИ

Двойной смешной детектив

Дарья Калинина

**Цветочное алиби. На
шпильках по джунглям**

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Калинина Д. А.

Цветочное алиби. На шпильках по джунглям / Д. А. Калинина — «Эксмо», 2014 — (Двойной смешной детектив)

ISBN 978-5-04-189937-0

Цветочное алиби Что можно подумать о мужчине, который регулярно приходит в цветочный магазин, покупает три белых ириса, а потом, пройдя несколько кварталов, опускает их в урну для мусора? Либо он совершает какой-то романтический ритуал, либо у него поехала крыша, либо он влюблен в одну из продавщиц магазина, либо... О существовании четвертого «либо» не догадывался никто – ни цветочницы, ни Мариша, которая распутывала дело о загадочном убийстве, где покупатель ирисов проходил в качестве одного из подозреваемых. Четвертое «либо» как раз являлось его алиби... На шпильках по джунглям Любимая кузина Леси уже в четвертый раз собралась замуж, и на этот раз решила не повторять своих прежних ошибок. Избранник Верунчика – заграничный красавец, не чета ее бывшим мужьям–неудачникам.

Проблема только в одном: жених Крис живет на краю света в ЮАР, а Верунчик перед самым отлетом к нему сломала ногу. Теперь Лесе и Кире приходится выручать незадачливую невесту – и лететь на смотрины втроем. Но в первые же дни пребывания в Африке прямо на глазах изумленных российских путешественниц, на охоте в местном сафари-парке убивают отца Криса – Якоба...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-04-189937-0

© Калинина Д. А., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Цветочное алиби	7
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дарья Калинина
Цветочное алиби
На шпильках по джунглям
(сборник)

© Калинина Д. А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Цветочное алиби

Глава 1

День начался как обычно. Сначала была суета с товаром – убранный на ночь в холодильник надо было выставить на витрину и украсить ее к предстоящему Дню святого Валентина. Потом прибыла новая партия товара, ее следовало рассортировать так, чтобы малость залежавшийся товар со вчерашнего и позавчерашнего дней оказался в первых рядах. Именно его неприхотливые покупатели разберут в первую очередь.

А таковых в этот предпраздничный день было большинство. Мужчины хватали цветы для своих любимых, не слишком обращая внимание на их качество. День святого Валентина еще не успел так же полюбиться народом, как следующие за ним 23 Февраля и 8 Марта.

Мусик торговала цветами не первый год, так что была опытной продавщицей. И хорошо знала, что вот на следующие два праздника люди станут придирчиво выбирать букеты согласно своему представлению о том, что хорошо, традиционно или шикарно для этих давно устоявшихся праздников. А День святого Валентина еще не успел обрасти в России своими традициями. Совершенно точно про него было известно только одно, что в этот день полагается дарить открытки в виде сердечек – «валентинки» и вообще, сердечки из картона, меха, бумаги, стекла, фарфора, золота и прочих материалов.

Цветы к этому дню покупали просто в качестве приятной добавки, не слишком заикливаясь на них.

– Розы у нас уже не первый сорт, – озабоченно сказала Леночка – молоденькая продавщица, лишь недавно обретшая свой статус. – Мусик, может быть, накрутить из них бутоньерок?

Бутоньерками, строго говоря, могли называться только крохотные букетики, которые полагалось носить пришпиленными к одежде, мужской или женской – неважно. Но продавщицы в магазине обозначали этим словом любые сборные букеты. Начиная от самых маленьких, дешевеньких, и кончая роскошными свадебными и очень дорогими.

– Накрути, – милостиво кивнула Мусик.

Леночка ей нравилась. Способная девочка. Трудолюбивая и многого о себе не воображает. К тому же вкус у нее отменный. И руки золотые. В ее руках самые неприглядные цветы оживали и выглядели так, словно их вчера сорвали с клумбы. А это в их профессии немало важно. Только выкини несколько цветов, как мигом окажешься в минусе.

Сама Мусик занялась подсчетом прибывшего товара. Одновременно она отпускала покупателей, которых было в это время еще не очень много. И в этот момент Мусик услышала:

– Можно мне три белых ириса?

Мусик отчего-то вздрогнула и подняла глаза. Перед ней стоял высокий мужчина в шляпе и очках. Лицо его закрывала густая борода.

– Пожалуйста, три белых ириса, – повторил мужчина свою просьбу.

– Конечно, конечно, – заторопилась Мусик. – Вам завернуть?

– Без упаковки, пожалуйста.

Мужчина получил требуемое, расплатился и вышел из магазина. Мусик оцепенело глядела ему вслед и морщила свой ровный лоб. А ведь лоб у Мусика был без единой морщинки, ровный и гладкий. Она им необычайно гордилась. Мало у кого из ее подруг сохранились такие гладкие, просто фарфоровые лобики. Так что морщить его Мусик лишней раз избегала. А теперь вот морщила.

– Что с тобой? – подошла к ней Леночка. – Ты словно статуя. И лоб хмуришь.

– Понимаешь, мне показалось, что этот мужчина приходил и вчера.

– Какой?

– Только что купил три белых ириса.

– Три? И именно белых?

Теперь и у Леночки появилась морщинка между бровей.

– Помню его, – произнесла она. – Он приходил два дня подряд. А может быть, и больше.

– Так два или больше?

– Просто я так говорю, потому что я сама его обслуживала уже два раза.

– И я, – кивнула Мусик. – Сегодня и вчера.

– Может быть, кто-то из девочек тоже его обслуживал?

Опрос остальных трех продавщиц показал, что странного мужчину, неизменно покупающего три белых ириса без упаковки, обслуживали все. Кто по одному разу, кто по нескольку.

– Вот это интересное кино получается! – воскликнула Мусик, как самая старшая, главная и ответственная за все, что происходило в магазине. – Выходит, он приходит к нам каждый день.

– Мало того что каждый день. Он приходит в одно и то же время! Около полудня.

– Интересно, – повторила Мусик. – И покупает всегда белые ирисы?

– Всегда.

– А что, если завтра у нас в магазине белых ирисов не окажется?

– Как же? Целая корзина стоит.

– А мы ему скажем, что их раскупили. Интересно, что он станет делать?

На следующий день Мусик провела свой эксперимент.

– Как нету? – казалось, растерялся мужчина.

– Так. Нету. Праздники. Люди раскупают цветы как сумасшедшие.

– Именно белые ирисы?

– И их тоже.

Казалось, мужчина был шокирован. К такому повороту событий он явно не был готов.

– Сходите в соседний магазин, – с приветливой улыбкой предложила ему Мусик. – У них наверняка есть. Это тут, в двух шагах.

– Обязательно. А завтра ирисы у вас будут?

– Да. Завтра обязательно привезем. Я вам это лично обещаю.

Мужчина кивнул. И, вежливо приподняв шляпу, вышел из магазина. А Мусик снова нахмурилась. Цвет волос под шляпой у мужчины оказался светло-каштановым. А вот борода у него была куда темней и другого оттенка. Разве так бывает? Нет, не бывает. И что из этого следует? А следует из этого следующее: либо мужчина с непонятными целями красит свою бороду, либо... Либо она у него ненастоящая. И носит он ее, опять же, с явно непонятными целями. А все непонятное было для Мусика весьма подозрительно.

– Пойду посмотрю, куда он пошел дальше.

Несмотря на рекомендацию Мусика, мужчина в соседний цветочный магазинчик не пошел. А ведь в его витрине стояла огромная ваза, окутанная серебряной фольгой, в которой гордо торчали белые, желтые и сиреневые ирисы. Но мужчина прошел мимо них совершенно равнодушно. И завернув за угол, пропал из поля зрения Мусика.

– Странно, – пробормотала девушка. – Чертовски странно. Значит, ирисы ему не так уж и нужны. Но тем не менее у нас он их покупает. Хм. Хотела бы я знать, что он потом делает с этими ирисами? Куда ему столько?

Что делает странный покупатель со своими цветами, Мусику удалось узнать уже на следующий день. Мужчина расплатился за три купленных им ириса, вышел из магазина и снова завернул за угол. Мусик последовала за ним. Мужчина снова завернул за угол. И там он сделал нечто такое необычное и нелогичное, что Мусик даже замерла на месте от изумления.

А сделал мужчина следующее. Он просто сломал ирисы пополам и, не замедляя шага, небрежно сунул их в ближайшую урну. На всю операцию у него ушло несколько секунд. Если бы Мусик не следила за ним так пристально, она бы и не поняла, куда делись цветы из рук

мужчины. Только что он шел, бережно прижимая их к груди. А уже через мгновение смял и швырнул в урну.

Это было так странно, так удивительно и даже жутко, что Мусик даже подошла к той самой урне и осторожно заглянула в нее. Нет, ей не показалось. Ирисы в самом деле лежали здесь. Их белые головки покоились на груди пустых банок из-под колы и пива, окурках и обертках от шоколадок. У Мусика даже сердце защемило от жалости. Бедные цветочки! Для этого ли вас растили!

И Мусик помчалась назад в магазин. Новость так и жгла ее изнутри. И, прибежав назад, она первым делом поделилась со своими товарками.

– Гад какой! – бурно отреагировала Леночка. – Выкинул! Мог бы лучше мне подарить! Бывают же такие идиоты!

Примерно так же реагировали и остальные. Они занялись подсчетами и выяснили, что если мужчина именно так поступает со всеми своими ирисами, то он выкинул в урну за соседним углом уже больше трех тысяч рублей.

– Точно идиот! – заявила Леночка. – Сумасшедший! Таких в дурдоме держать нужно. Псих!

Но Мусика в отличие от ее подруг волновала другая мысль.

– Зачем он это делает? – бормотала девушка, не находя себе места. – Зачем?

Мусик по личному опыту знала, что все выходящее за рамки простого понимания неизбежно таит в себе какую-то опасность. И теперь ей очень не хотелось, чтобы эта неведомая пока что опасность коснулась их маленького, но такого славного магазинчика.

– А может быть, он просто влюблен? – раздался голос все той же умницы Леночки. – Когда люди влюбляются, они иногда вытворяют самые странные вещи.

– Влюблен! Скажешь тоже! Если бы он был влюблен, то дарил бы цветы своей любимой девушке. А он их просто выбрасывает!

– В мусорную урну!

– Еще скажи, что он тайно влюблен в ту урну! И не придумал другого способа, как осыпать любимую цветами!

Вокруг раздался хохот. Но Леночка ничуть не смутилась от насмешек подруг.

– Глупые вы! – снисходительно произнесла она. – Кто говорит про урну? Я имею в виду, что он влюблен в одну из нас. И просто выбрал такой странный способ знакомства. Ведь глупо просто дарить цветы девушке, которая и без того работает в цветочном магазине. А как еще привлечь ее внимание?

После этих слов в магазине надолго воцарилась тишина.

– А что? – произнесла наконец Наточка. – Был у меня один перец, так чтобы познакомиться со мной, он сломал телевизионную антенну на нашем доме. А потом явился ко мне под видом ремонтника.

– И как? У вас с ним что-то получилось?

– Ничего не получилось. Он оказался вконец безруким. Вместо того чтобы починить антенну, он сломал мне еще и телевизор, повредил электрическую проводку в квартире и сжег счетчик. Догадываетесь с трех раз, что я сделала с таким кадром?

– А у меня, – произнесла другая продавщица – Галчонок, – у меня был молодой человек, который каждый день писал мне письма и опускал их в мой почтовый ящик. Целый год писал. Врал мне в этих письмах как сивый мерин.

– Что врал-то?

– Ну, что он и красавец, и богач, и обожает меня. И что стесняется подойти, потому что влюблен без памяти. А потом я его подкараулила и выяснила, что он тощий и прыщавый очкарик, который живет в соседней квартире. Нищий студент, который существовал на мамину зарплату и свою стипендию!

Странные способы знакомства могли припомнить и другие девушки. Так что в принципе в предположении Леночки не было ничего необычного.

- И я даже знаю, в кого из нас он влюблен.
- В кого же?
- В кого?
- Говори!

Леночка хитро покосилась на начальницу.

- А у кого он чаще всего покупает ирисы? У Мусика! Вот в нее-то он и влюблен!

Мусик опешила. Ей и в голову не приходило связать свою неотразимую внешность и странное поведение этого бородатого мужчины. А ведь в самом деле Леночка могла быть права. Почему бы и нет? Мусик выглядит превосходно. И в нее может влюбиться не один мужчина, а сразу два, три, десяток!

- Что скажешь, Мусик?
- Не знаю. Пока он мне ничего такого не предлагал.
- И не предложит! Ты же держись с ним просто как с покупателем!
- Как это?
- Официально, вежливо и чуть прохладно.
- А как же мне быть? Броситься ему в следующий раз на шею?
- Зачем такие крайности? Просто пошутить с ним, улыбнись. Задай пару вопросиков.
- И главное, надень юбку покороче!

Последний совет исходил от Галчонка, которая была обладательницей двух длинных и тощих конечностей, которыми она необычайно гордилась, доказывая всем и каждому, что у нее ноги фотомодели. Так что Галчонок всегда носила короткие и даже сверхкороткие юбочки. И того же настойчиво желала всем своим подругам.

- Завтра приходи в короткой юбке!
- С новым макияжем!
- И стрижку сделай!

Мусик думала о словах подруг весь рабочий день. И когда ее смена закончилась, она прямым ходом направилась в салон красоты. Салон назывался «Карина», и у него было целых два преимущества. Во-первых, он находился рядом с домом Мусика. А во-вторых, там работала ее школьная приятельница. Та самая Карина, чьим именем и был назван салон.

Карина была самой настоящей армянкой, то есть имевшей родню исключительно из одних армян. Но вот при этом армянского в ней был только нос, который она, впрочем, уже успешно переделала. А вот темные и густые, совершенно роскошные волосы оставила. Во всем остальном она была самой что ни на есть русской девчонкой. По-армянски знала только два слова: бари луис – доброе утро. И бари ереко – добрый вечер. Все остальные слова таинственным образом выветривались из ее головы, едва попав туда.

Но при этом она вышла замуж тоже за армянина. И доставляла своей свекрови немало огорчений тем, что не готовила ничего из армянской кухни и предпочитала сама зарабатывать свои деньги. Это не давало свекрови возможности контролировать невестку, что буквально выводило ее из себя.

Карина ласково называла свекровь «моя мегера» и мечтала, что они с мужем скопят себе на отдельную квартирку и наконец-то переедут подальше от любящей мамы. Но несмотря на то что салон красоты приносил Карине неплохой доход, а сама она продолжала стричь клиентов, экономя на лишнем мастере, накопление денег все равно продвигалось слишком медленно.

– Понимаешь, цены растут каждую неделю. А я же не могу так часто повышать стоимость своих услуг! Тогда люди перестанут ходить ко мне. Решат, что я вконец обнаглела.

Но Мусик знала: жалуется Карина больше для виду. На самом деле все у нее обстояло неплохо. Муж ее обожал. Свекровь, хотя и ворчала, но держала себя в руках. Отдельная комната была большой, с двумя окнами и широкой аркой.

Сев в кресло к подруге, Мусик перевела дух, готовясь выслушать последние новости о самой Карине, а также о всех бывших одноклассниках. Но прежде Карина осведомилась:

– Ну, что сегодня желаешь?

– Сделай меня красавицей!

Карина в ответ лишь хмыкнула.

– Встретился подходящий кавалер?

– Ну... Почти. Не совсем уверена, что кавалер. И не уверена, что подходящий. Но надо рискнуть.

– А что за кадр?

И пока ловкие руки Карины порхали над головой и лицом Мусика, та выложила подруге всю странную историю с мужчиной, неизменно на протяжении недель покупающим у них в магазине белые ирисы.

– Хм, странный тип, – насторожилась Карина. – Не связывалась бы ты с ним. Это мой тебе совет!

– Да ты что! – возмутилась Мусик. – В моем положении отказываться от того, что само плывет в руки, просто грех.

– В руки иной раз само плывет... Ну, ты сама в наших водоемах купалась, так что знаешь, что иной раз само плывет в руки.

– Мужчина он из себя видный.

– Тебе же не понравилась его борода.

– Бороду можно и сбрить. А одет он солидно. И ботинки у него дорогие. И часы. Да и не позволил бы себе бедный человек такую причуду. Знаешь, сколько стоит один ирис у нас в магазине? Почти как ветка лилии!

– Дороговато.

– А ты попробуй вырасти эти ирисы в то время, когда им расти совсем еще не время.

– Как хочешь, – пробормотала Карина. – Но я тебе свое мнение сказала. И потом не плачь.

– И не подумаю.

Несмотря на возникшее разногласие, подстригла ее Карина – высший класс. Мусик сама себя в зеркале не узнала. Лицо у нее было слишком круглым, носик слишком курносым, а глазки... что уж там говорить, глазки были быстрые, веселые, но далеко не самые крупные. Откровенно говоря, маленькие такие глазки. И слегка заплывшие. Но сейчас, когда Карина состригла лишние волосы и оттенила несколько прядей, нос вдруг стал изящнее, а глаза засияли словно звезды.

– Макияж ты сама сделаешь?

– Да. Только руки приведи в порядок.

И девушки перешли к столику для маникюра, сплошь заставленному разноцветными баночками с лаком.

– Агрессивные цвета для лака не бери, – предупредила подругу Карина, заметив, что Мусик нацелилась на баночку с оригинальным лаком броского алого цвета. – И слишком длинные ногти тоже не наращивай. Мой Гарик вчера признался, что мужчин длинные и яркие ногти у женщин не возбуждают, а элементарно пугают. А раз твой кадр и так пуганый, то нечего его еще больше страшить.

Мусик послушалась совета подруги. Мужа Карины – веселого Гарика – она считала непревзойденным знатоком женских уловок и бабником. Если уж даже его пугают длинные и острые ногти у девушек, то остальных мужчин вообще должно в холодный пот бросать.

Так что от ярко-алых ногтей, на которые уже положила глаз, она благоразумно отказалась в пользу нейтрально-розовых. Самой ей эти ногти не нравились – ни уму, ни сердцу. Но чего не вытерпишь ради того, чтобы заполучить приличного кавалера. Нейтральный маникюр – это еще не самое страшное.

– Вот теперь ты полностью в форме, – очень довольная своими трудами сказала Карина. – Плати в кассе по прейскуранту. Минус десятипроцентная скидка как постоянному клиенту.

В этом была вся Карина. Дружба дружбой, но свой интерес она не забывала блюсти. Но Мусик ее не осуждала. Она и сама была деловой женщиной. Цветочный магазин, несмотря на то что она там работала продавщицей, принадлежал ей. Ну, почти ей. Оставалось выплатить только последние взносы по кредиту. Но пока этого не случилось, Мусик никому из своих знакомых не делала бесплатных подарков. Ведь сделаешь одному, тут же остальные обидятся и начнут дуться. Скажут, почему ты любишь Наташку, Ромку, Светку и так далее больше, чем меня? Обязательно скажут. Так уж устроены люди.

На следующий день Мусик чувствовала себя королевой. И с нетерпением поглядывала на часы. Свежие ирисы стояли возле нее в красивой вазе. Пусть дорогой претендент на руку и сердце выбирает сколько захочет. Чем дольше он будет стоять возле ирисов и Мусика, тем ясней поймет, насколько они прекрасны.

Правда, Мусика, опять же, несколько смущало то, с каким равнодушием мужчина отшвыривал цветы почти сразу же после их покупки. Если разобраться, то мог бы подарить их какой-нибудь симпатичной женщине на улице. Зачем же выбрасывать? Хозяйственную натуру Мусика такое поведение ее предполагаемого жениха порядком расстраивало. Ирисы в урне – это же ни себе ни людям!

Но ничего! Когда жених станет таковым официально, уж она-то найдет возможность и способ разъяснить ему, насколько он был не прав! Он у нее будет относиться к деньгам бережно! Она сумеет ему объяснить, что деньги существуют вовсе не для того, чтобы их швырять на ветер! И если уж на то пошло, лучше бы он выбрал какой-нибудь другой способ, чтобы познакомиться с Мусиком.

Мысль о выброшенных из их общего (она уже залезла в кошелек жениха и искренне считала его своей собственностью!) бюджета денежках волновала Мусика. К деньгам она относилась трепетно, считая, что с их помощью можно добиться очень многого, если вообще не всего.

– Вопрос лишь в цене, – любила повторять Мусик. – Одно стоит дороже, другое дешевле. За одно приходится платить втридорога, а другое достается по дешевке. Но в любом случае всегда находится цена на любую вещь или услугу.

Конечно, в душе Мусик мечтала, чтобы нашелся мужчина, который счел бы ее лично совершенно бесценной. Но, будучи реалисткой, она предполагала, что, возможно, такой мужчина никогда в ее жизни и не появится.

– Будем брать что есть, – со вздохом решила Мусик. – А там посмотрим по ситуации.

Вообще-то она считала, что обмануть ее невозможно. Во всяком случае у мужчин это никогда не получалось. Мусик раскусывала все их хитрости. И прогоняла обманщиков. Но этот, с ирисами, с самого начала поставил ее в тупик своим поведением. Ей бы очень хотелось понять, что же он собой представляет.

И когда часы над дверью показали ровно одну минуту первого и в дверях показался ее жених, Мусик оглядела его критическим собственническим взглядом. Она таким еще никогда на него не смотрела. Так, посмотрим. Значит, он слегка полноват, но это не страшно. Человек просто любит вкусно покушать и избегает чрезмерных физических нагрузок. Руки холеные и мягкие, с тяжелым трудом явно не знаком. Рубашка тщательно отглажена. А ботинки блестят. Что же, в общем и целом благоприятное впечатление. А что касается бороды... Так ведь бороду и сбрить можно. Царь Петр всем боярам бороды побрил, неужели она, Мусик, не сумеет обрить одного мужчинку?

– Вам, как обычно, ирисы? – сверкнула улыбкой Мусик.

Сверкнула она ею совершенно сознательно. Сегодня встала пораньше и как сумасшедшая битых полчаса терла зубы отбеливающей зубной пастой. И теперь стремилась продемонстрировать полученный эффект. Жених эффект оценил. Он на мгновение замер. Но затем все же робко улыбнулся в ответ:

– М-да. Ирисы. Если можно.

– Почему же нельзя? – снова улыбнулась Мусик. – Такому привлекательному мужчине можно все.

И Мусик слегка подмигнула мужчине одним глазом. Тот опешил окончательно. Быстрей обычного выбрал три цветка. И совсем уж торопливо расплатившись за них, умчался из магазина.

Хм! Эффект был не совсем тот, на который рассчитывала Мусик. Но, бесспорно, эффект был!

– Пойди за ним! – услышала Мусик жаркий шепот Леночки за своей спиной. – Пойди!

И Мусик выскочила из-за прилавка. В самом деле, надо пойти и посмотреть, что там будет дальше. Вначале вчерашняя история повторилась в точности до деталей. У знакомой уже Мусику урны мужчина притормозил, смял и выбросил цветы, а потом двинулся дальше. Мусик за ним. Так они шли минут пять. Наконец мужчина пересек дорогу и завертел головой.

Ему забирикал хорошенький сиреневый автомобильчик. При одном взгляде на этот автомобильчик у Мусика тревожно замерло сердце. Такая машинка просто не могла не принадлежать женщине. Причем женщине молодой, красивой, богатой и избалованной. А через несколько секунд Мусик увидела и ее саму. Женщина выпорхнула из своего автомобильчика. И оказалась в точности такой, какой уже представляла ее себе Мусик. Даже еще лучше.

У нее были длинные светлые волосы. Гибкая стройная фигурка. Правильные черты лица и длинные ноги. Причем именно ноги, а не две жердины, которыми так гордилась Галчонок. Вот этой женщине пошли бы те самые короткие юбочки, о которых неустанно твердила Галчонок. Но она их не носила. Не нуждалась. Юбка у женщины была обычной средней длины. Потому что в чрезмерном подчеркивании своих достоинств эта женщина не нуждалась. Они, эти достоинства, можно сказать, и так били в глаза.

Мусик внезапно почувствовала себя ребенком, у которого отняли новогодний подарок, даже не разрешив вскрыть упаковку. А мужчина тем временем обнял женщину, нежно поцеловал ее и что-то спросил. Она ответила и жизнерадостно рассмеялась. Он тоже улыбнулся. И так, обнявшись, они пошли дальше по улице. К ресторану китайской кухни «Шао-Линь».

Бедная Мусик, немного посмотрев им вслед, поплелась обратно к себе в магазин. Настроение у нее было, сказать прямо, гаже некуда. И почему, собственно говоря, она вообразила, что этот клиент приходит к ним в магазин ради нее? Ему нужны были ирисы. А зачем уж он их потом бросает в урну, это дело десятое. Бросает, и все. У богатых, как известно, свои причуды.

А в том, что мужчина был именно богат, у Мусика даже сомнений не возникало. Была она в этом ресторане. Знает тамошние цены. Ей с ее долгом по кредиту еще много лет не светит бывать в таком дорогом месте.

Мусик была уже уверена, что эта история так и закончится – ничем. Но мужчина пришел к ней в магазин на следующий день и через день, и через два. А на третий день он предложил Мусику познакомиться поближе. И пригласил ее на свидание, от которого у нее просто не хватило духу отказаться. Так и начался их роман. Безумный, безудержный, хотя так и не закончившийся свадьбой, несмотря на то, что предсказывала им Леночка.

Глава 2

С тех пор прошел год. Ресторан «Шао-Линь» перестал быть таким уж шикарным местом и, поменяв хозяев, стал просто хорошим рестораном со стабильно превосходной и разнообразной кухней и такими же стабильными ценами. Благодаря своему удачному расположению ресторан процветал. Народ в нем был всегда. И днем, во время ланча. И под вечер. И совсем поздно вечером, когда ресторан наводняли романтические парочки, желающие скоротать время в уютной обстановке под звуки живой музыки и пение выступающей на сцене довольно смазливой девчонки-китайки.

На самом деле певица была родом из Вьетнама, а пела она корейскую песню, причем с таким чудовищным русским акцентом, что настоящий кореец не понял бы ни слова из ее песни. Но ресторанный публика в такие тонкости не вдавалась. И была очень довольна негромким мелодичным голоском юной певуньи и ее экзотическим нарядом.

На самом деле Аю была совсем русской. Плодом смешанного брака русского отца и матери-вьетнамки. Но жила-то она в России. В России училась, в России воспитывалась. И о своих восточных корнях вспоминала лишь тогда, когда выходила на сцену. Был у нее даже когда-то русский муж, который, как и полагается простому русскому мужику,пил и колотил жену по пьяной лавочке.

Когда это случилось в первый раз, Аю удивилась. Во второй насторожилась. А в третий решительно заявила мужику, что уходит от него. Он так удивился, что даже не успел ничего возразить. Аю оказалась проворнее. Она схватила заранее сложенную сумку со своими нехитрыми пожитками, демонстративно положила толстое обручальное кольцо на крышку секретера и была такова. Больше она своего мужа с тех пор не видела.

Он не искал с ней встреч. А она вычеркнула его из своей жизни как нечто ненужное и даже вредное. Ей было все равно, жив он или умер. Но она полагала, что скорее жив, чем мертв. Думала она про него очень редко. Можно сказать, вообще никогда не думала. Короткое замужество не оставило в ее душе глубокого следа. Она совершила ошибку, выйдя замуж не за того человека. Что же, она вовремя исправила эту ошибку. Так что переживать не о чем. А в остальном пусть все идет как идет.

К тому же в этот вечер у Аю было достаточно поводов для огорчения и без этой истории пятилетней давности с ее глупым замужеством. Если она и вспомнила про мужа, то лишь потому, что еще один человек нанес сегодня ей жестокий удар. Аю просто не верила в то, что все это происходит именно с ней. У нее в голове не укладывалось, как можно быть таким лицемерным и двуличным.

Аю закончила петь и вышла из зала. Публика вяло аплодировала ей вслед, но Аю было все равно, хлопают они ей или нет. Всегда было все равно, а сегодня и подавно. Люди пришли в ресторан, чтобы получать удовольствие от жизни. Если бы она им совсем не нравилась, то ее давно бы уже прогнали. А если она все еще здесь, значит, она поет не так уж плохо.

А еще она знала, что эта работа дает ей стабильный источник дохода. Дает возможность жить так, как ей нравится. Дает ей независимость. И кроме того, Аю любила бывать на публике. Любила, когда ее окружали красивые вещи. И поэтому любила свою работу в ресторане, которую многие сочли бы малопrestiжной или вовсе унижительной.

– Как ты, Птичка? – пробегая мимо, спросила у нее Наташа – женщина-змея, выступающая следующим номером программы. – Все щебечешь?

Наташа не могла забыть, как Аю в первый раз заговорила по-вьетнамски. На Наташу этот язык произвел неизгладимое впечатление. И с тех пор она иначе не называла Аю – только Птичка.

Аю улыбнулась приятельнице. У них еще будет время поговорить, когда Наташа закончит свое выступление и вернется в их гримерную. Вот только вопрос, захочет ли Аю выложить Наташе то, что накопилось у нее на сердце за эти дни? Наташа была очень славной, но на жизнь смотрела очень просто. Так что вряд ли бы она поняла и разделила чувства Аю.

Чтобы пройти к гримерной, которую они делили с Наташей, певице нужно было пройти через задний двор ресторана. Он был открытым. Что не слишком-то удобно, особенно зимой, ранней весной или, наоборот, поздней осенью, когда темнеет рано, да еще вдобавок с неба зачастую сыплется мелкий противный снежок или падает холодный дождь. Пробеги пару раз по двору в такую погоду, и от роскошной сценической прически, держащейся на лаке и многочисленных булавках, ничего не останется.

– А это очень и очень обидно, – пробормотала Аю, глядя на падающие сейчас сверху хлопья мокрого снега.

Когда она выходила на сцену, снег еще только начинался. А сейчас он валил вовсю.

– Хорошо, что мне сегодня уже больше не надо выступать.

Ведь каждый раз Аю сооружала у себя на голове нечто грандиозное, что одновременно напоминало вавилонскую башню и прически японских гейш. Вообще, сценический костюм Аю привел бы в ужас любого человека, мало-мальски знакомого с Востоком. Платье у нее было чисто китайским – шелковым, узким и с разрезами по бокам. Туфельки-сабо на пластиковой подошве, присланные доброй бабушкой из родного Вьетнама. В прическе Аю торчали деревянные шпильки, цветы и позвякивали колокольчики. А макияж состоял всего из трех цветов – белого, черного и алого.

Пробегая через двор, Аю внезапно замерла. Да, сейчас была зима, смеркалось рано. И под вечер во дворе было почти совсем темно. Поэтому, когда Аю показалось, что она видит в воротах силуэт человека, сердце у нее внезапно ушло в пятки. А потом оно, наоборот, быстро-быстро застучало. Аю кинулась бежать так быстро, что потеряла одну свою туфельку. Но ей было все равно. Плевать на бабушкины сабо, плевать на босую ногу, проваливающуюся в холодную снежную жижу. Скорей бы только добраться до своей гримерки!

– Что с тобой? – удивилась Оксана – еще одна звезда вечернего шоу в ресторане «Шао-Линь». – Ты вся бледная. И вообще, выглядишь так, словно покойника только что увидела.

Аю с трудом отдышалась и выдавила из себя:

– Почти.

– Что почти?

– Почти покойника.

– В смысле?

– Мне показалось, что я видела своего бывшего мужа. Только он был жив. Стоял в проходе между домами и смотрел на меня!

Оксана пожала плечами.

– Странная ты, Аюшка. Другие бабы за мужика глотку друг другу готовы перегрызть. А ты мало того что удрала от него, так теперь еще и паникуешь, что он тебя нашел.

Аю постаралась взять себя в руки. Она и сама не понимала, почему так разволновалась. Ну, муж. Ну, пришел. Ну и что тут такого особенного? Расстались они давно и в принципе, можно сказать, мирно. Во всяком случае, никаких попыток к сближению он все эти годы не делал. И вообще, никак не давал о себе знать. Хотя отлично знал, как найти бывшую супругу. А раз он этого не делал, значит, никаких чувств у него к Аю не осталось. И чего вдруг он явился?

– Нет, – помотала головой Аю, прогоняя навязчивое видение. – Это был не он. Конечно, не он! Мне просто показалось.

– Хочешь, пойдём и посмотрим? – предложила ей великодушная Оксана.

Некоторое время Аю колебалась. Но затем любопытство взяло верх над всеми остальными чувствами, и она выпалила:

– Хочу!

Девушки выскользнули из гримерной и оказались во дворе.

– Ну? И где тут твой муж?

– Вон там стоял.

– Там никого нет.

– Это сейчас нет. А тогда был!

Оксана посмотрела в ту сторону.

– Слушай, а ты уверена, что там был именно твой муж? Может быть, человек, похожий на него? Или там просто стоял кто-то, кого ты из-за пелены снега приняла за бывшего мужа?

Аю уже и сама ничего не знала. Девушки вернулись в гримерную. Потом пришла Наташа, которая по дороге никого во дворе не заметила.

– Какой муж! – подняла она Аю на смех. – Нужна ты ему! Небось уже сто раз другую бабу нашел. И нечего тебе о нем вспоминать! А даже если и не нашел, то уж точно не приперся бы в такую погоду, чтобы только повидать тебя издали. Придумаешь тоже!

Постепенно Аю совсем успокоилась. Но уже выходя из здания ресторана и направляясь к подземке, услышала позади себя громкие крики.

– Убили! Помогите! Человека убили!

Аю бросилась назад. Да и как иначе? Кричали-то из ее родного ресторана. И сделать вид, что ничего не слышит, она не могла.

– Кого убили? – ворвалась она в фойе. – Что случилось?

Вообще-то для официантов, поваров, да и для артистов существовал служебный вход. Только им они по существующим в ресторане правилам могли пользоваться. Дирекция строго-настрого давала этот наказ каждому, кого принимали на работу в «Шао-Линь». Но сейчас Аю просто забыла о запрете. Да и не было до нее никому никакого дела.

Все люди, в том числе и охранники ресторана, столпились возле бьющейся в истерике женщины. Рядом с ней растерянно метался какой-то холеный упитанный мужчина – то ли муж, то ли друг этой женщины. Он пытался дать женщине воды, сигарету, коньяк и одновременно допросить ее. Но женщина только кричала:

– Убийство! Помогите! Там! Там!

И трясущейся рукой тыкала в направлении того самого дворика, по которому Аю и ее товарищи пробежали сегодня минимум дважды.

– Где? Где это случилось? – бессмысленно топтались возле мечущейся женщины охранники. – Где убийство?

– Там! На заднем дворе! Он там лежит!

От этого у Аю тревожно заныло сердце. И она одной из первых бросилась туда.

Выйдя снова в холодный, продуваемый всеми сквозняками и ветрами дворик, Аю поежилась. Он никогда ей не нравился – этот дворик. А уж после того, что она услышала об убийстве, пропади он вовсе пропадом. И все-таки Аю шла вперед. Ее гнало безотчетно тревожное чувство. Ей казалось, что все происходящее сегодня вечером в ресторане так или иначе связано с ней.

– Вроде бы в самом деле лежит кто-то! – произнес мужской голос рядом с ней. – Вон там. Под фонарем.

Аю взглянула в ту сторону и вздрогнула. Под фонарем лежала какая-то темная куча тряпья. Господи! Неужели правда?! Девушка замерла на месте. Теперь и стадо слонов не сдвинуло бы ее ни на шаг. Охранники же прошли вперед. А потом тоже замерли, но уже над темным силуэтом.

– Мужчина, – растерянно произнес один из них. – Не старый еще совсем.

– Наш? Кто-то из сотрудников?

– Нет. Чужой.

– И что он тут забыл?

Охранник пожал плечами и сказал:

– Башку ему разнесли основательно.

– Кто-то умело действовал. Интересно, чем это его?

– На топор похоже. У нас в деревне, когда батя хряка валил, так же ему черепушку с одного удара раскраивал.

Аю от их слов стало совсем худо. Воображение у нее было живое. Так что сейчас она почувствовала, что либо должна что-то сделать, либо упадет в обморок. Она подошла ближе. И, пересилив себя, взглянула на труп. В том, что это был именно труп, даже у нее не возникло никаких сомнений. Сильным ударом человеку буквально разрубили череп. Он лежал в луже крови, которой была испачкана мерзлая земля вокруг него, мокрый снег и одежда самого человека.

Но лицо, как ни странно, почти не пострадало. И взглядевшись в заострившиеся черты мертвеца, Аю внезапно закричала так, что куда там истеричной дамочке, с которой она столкнулась в фойе! У той был слабый любительский голосок, а Аю все-таки, как ни крути, окончила консерваторию. И голос у нее профессионально поставленный.

Охранники сначала шарахнулись в стороны. А затем попытались заткнуть Аю рот. Не надо криков! Не надо паники! Золотое правило любого ресторана! Что бы ни произошло – таракан в супе или труп на заднем дворе, – это должно остаться тайной для посетителей.

– Заткнись! – услышала Аю слова одного из охранников и хотела остановиться, честно хотела, но почему-то вместо этого заорала еще громче.

Второй охранник не стал разговаривать с девушкой. Он подошел и деловито вlepил ей пощечину. Как ни странно, это моментально заткнуло рот Аю. Она замолчала и испуганно уставилась на ударившего ее мужчину.

– Что ты орешь, морда твоя косоглазая? – добродушно спросил тот у нее. – Покойников, что ли, никогда прежде не видела?

Аю затрясла головой.

– С-страшно! – стуча зубами то ли от холода, то ли от нервного напряжения, произнесла она.

– А коли такая нервная, так чего ты сюда рвалась? – недовольно спросил у нее мужик. – Без тебя бы не разобрались?

– Вы не понимаете.

– Чего? Чего я не понимаю? Тут и понимать нечего! Вы, бабы, вечно не в свое дело нос суετε. А потом нам, мужикам, расхлебывать приходится.

Но Аю его даже не слышала.

– Вы не понимаете, – пробормотала она снова.

– Чего?

– Этот человек... Я его знаю!

– Знаешь? Убитого знаешь?

– Да.

– Знакомый твой, так, что ли?

– Я видела его сегодня в этом самом дворе. Час назад или около того.

– И что? Что он тут делал? Ждал кого-то?

– Не знаю. Я подумала, что он ждет меня.

– Тебя? С какой это стати тебя? Вы что, знакомы, я тебя спрашиваю?

– Нет. То есть да. То есть я его, конечно, знаю, но я его не приглашала!

Аю и сама чувствовала, что говорит путано и непонятно. Но что она могла поделать? Аю была в полной растерянности.

– Ну? И кто он такой?

Вот он и пришел, момент истины! Аю почувствовала, что ее буквально загнали в угол. Сказать правду или утаить? Но если утаить, а она все равно выплывет наружу, то потом будет еще хуже. Аю слишком много болтала и слишком подозрительно себя вела, чтобы ей удалось остаться в стороне. Нет, лучше уж сказать правду. И будь что будет.

– Ну? И кто он?

Аю набрала в легкие побольше воздуха, а вместе с ним и решимости и выдохнула:

– Он – мой муж!

И уже по тому, какими взглядами обменялись при этом охранники, и по тому, как один из них присвистнул, Аю поняла, что совершила глупость. Может быть, самую большую глупость в своей жизни.

– Вот как! – многозначительно произнес один из охранников. – Муж, значит. А что же он тут делал?

Аю беспомощно развела руками. Что мог ее бывший муж делать возле ресторана, в котором она пела три вечера в неделю вот уже почти полгода? Разумеется, только одно – ждать ее. А учитывая, что они с мужем не виделись много лет и вдруг он приперся без всякого, как говорит Аю, приглашения, этот визит выглядел весьма странно. А учитывая, что мужчину убили, так и вовсе подозрительно.

Охранники так и сказали.

– Пойдем, певичка, – сказал один из них. – Чувствую, что менты захотят вплотную с тобой пообщаться.

– Не вырывайся, Птичка. Все равно не поможет.

Следующие два часа стали самыми страшными в жизни Аю. Она уж думала, что в ее недолгой, но богатой событиями жизни было все. Что она успела изведать все мыслимые и немыслимые неприятности, которые валяются на одинокую женщину в большом и жестоком к любой слабости городе.

После смерти отца у Аю были такие трудные моменты, что она в буквальном смысле этого слова голодала. К тому же она работала, и работала так тяжело, как может работать только вьетнамская женщина, которой нужно учиться и которой нужно еще что-то посылать своим домой, потому что там уж совсем кушать буквально нечего.

Чтобы заработать своим родным на рис с овощной подливкой, Аю работала уборщицей в магазинах, ресторанах, школах и даже общественных туалеты, случалось, мыла. А что тут такого? Ничего позорного она в своей работе тогда не видела. Это ведь была временная работа. Аю всегда твердо знала: она выучится в консерватории и станет певицей. Вот тогда и придут другие, куда более приятные времена. А пока что надо кормить маму и двух маленьких братьев.

Отец у Аю был русский. Он и увез когда-то малолетнюю дочку и вообще всю свою семью из Вьетнама в Россию. Жена с двумя младшими мальчиками вскоре вернулась домой. А вот Аю осталась с отцом, хотя мать и возражала против этого. Когда Аю только оканчивала школу, отец умер. И Аю осталась совсем одна. Чудом ей удалось сохранить маленькую комнатку в коммуналке на Лиговке. Туда никого не заселили и оставили жилье осиротевшей девушке. Но кроме того, чтобы где-то жить, нужно было еще что-то и кушать.

И вот, отучившись в консерватории, куда Аю взяли за уникальные музыкальные способности, девушка бежала на свои подработки. Часть денег оставляла себе на хлеб, проезд до места учебы и изредка кусочек курятины, чтобы жизнь не казалась совсем уж черной. А остальное посылала матери, бабушке и братикам. О тех временах, когда наивная молоденькая девочка пыталась самостоятельно пробиться в этой жизни, Аю вспоминать не любила. Всякое ей довелось повидать.

Но вот в тюрьму ее еще ни разу не отправляли. Как-то ей удавалось избегать столкновений с законом. Однако было похоже, что на этот раз их пути пересеклись очень и очень основательно.

– У вас с вашим супругом были какие-то трения? – допытывался у Аю молодой оперативник, у которого еще, как говорится, молоко на губах не обсохло.

Аю его начала презирать сразу же и инстинктивно. Она умела чувствовать людей, их настрой и намерения. И во многом это умение помогло ей не пропасть в этой жизни. И даже вполне преуспеть. По крайней мере, теперь она не должна была махать половой тряпкой по восемь-десять часов в день. А культурно преподавала в музыкальной школе, подрабатывая еще пением в ресторанах и ночных клубах.

Этот парень сразу же вбил себе в голову, что преступница именно Аю. Отсутствие орудия преступления, а также каких бы то ни было следов самой Аю возле найденного трупа ничуть его не расхолаживало.

– Не было у нас с мужем никаких трений.

– Но ведь вы с ним расстались?

– Да.

– Значит, трения были.

– Он несколько раз подряд поднял на меня руку. Вот и все.

Глаза оперативника загорелись торжествующим огнем.

– Все, да не все! – воскликнул он. – Вы затаили на него злобу! И когда пришло время, отомстили мужу! Он бил вас, а вы убили его!

У Аю буквально глаза на лоб полезли.

– Вы в своем уме? – поинтересовалась она. – Он всего лишь, будучи пьяным, вlepил мне под горячую руку три пощечины. Ни нос, ни зубы, ни кости у меня не пострадали. А я за это спустя почти пять лет взяла и убила его? Раскроила ему череп?

Аю еще хотела добавить, что если бы уж у нее был выбор, кого убить, то она нашла бы как минимум четверых мужчин из своего прошлого, которые были куда более достойны того, чтобы их убить. Хотела, да вовремя остановилась. Хватит с нее одной откровенности. Ни к чему хорошему откровенность с милицией не приведет.

Отличавшаяся необыкновенно острым слухом, Аю услышала, как оперативник пробормотал себе под нос что-то про азиатскую жестокость. Ей прямо худо сделалось от этой глупости. Еще не хватало, чтобы ей сейчас припомнили ее происхождение.

Поэтому Аю постаралась взять себя в руки и как можно мягче сказала:

– Мой муж не был плохим человеком. Он был всего лишь алкоголиком. Если хотите знать, мне было его даже жаль.

– И потому, что вам было его жаль, вы не виделись с родным мужем целых пять лет?

– Я никому не навязываю свою волю. Он хотел жить так, как жил. А я так жить не хотела.

Поэтому и ушла. И все.

И опять же оперативник не успокоился:

– Нет, не все! Где орудие убийства?

– Понятия не имею!

– Имеете, имеете! Мы знаем, что у вас в ресторане пропал тесак, которым, предположительно, был убит ваш муж.

– В самом деле? Но я тут ни при чем.

– Да как сказать! Тесак-то этот пропал с кухни вашего ресторана.

– И что?

– А повар говорит, что вы заходили сегодня на кухню.

– Верно. Заходила. Или вы думаете, что певицам не нужно кушать?

– Так вы заходили на кухню, чтобы поесть?

Оперативник выглядел таким разочарованным, что Аю даже стало смешно. Про такого ее русская бабушка говорила: «Дурак дураком и нос башмаком!» Однако всегда нужно помнить,

что дурак может быть куда как опасен, если затаит против вас злобу. Это Аю тоже твердо уяснила. И поэтому ответила как можно спокойнее:

– Да. Я заходила на кухню, чтобы поесть. Всем сотрудникам полагается один служебный обед или ужин в день за счет ресторана. Это входит в трудовое соглашение. Можете перечитать стандартный трудовой договор, там указан этот пункт.

– А я вот думаю, что вы заходили на кухню совсем не за этим!

– А зачем?

– Чтобы стащить тесак для разделки мяса! А потом этим самым тесаком прикончить вашего мужа!

Аю уже не знала, что и сказать.

– Кто-нибудь видел, как я крала этот тесак?

– Видели, как вы несли его по коридору.

– Я? Тесак?

– Да!

– Не может быть.

– Это было! Правда, тесак был завернут в цветную тряпицу. Но это был он! По форме, по размеру...

– Вовсе нет! – закричала Аю. – Я знаю, что видели ваши свидетели.

– И что же?

– Они видели, как я несла реквизит для своего выступления.

– Что за реквизит у певицы? – недоверчиво осведомился у нее оперативник.

– Но я ведь не только пою, но еще и танцую. У меня в репертуаре сегодня был танец с саблями. Я несла сабли.

– Сабли? – заинтересовался оперативник. – И что это за сабли? Ими можно убить?

– Нет, конечно! Просто куски мягкой жести, обернутые яркой фольгой!

– Но я могу на них взглянуть?

– Они у меня в костюмерной.

За саблями послали. А потом оперативники долго и пристально изучали эти самодельные кусочки металла.

– М-да, – пробормотал один из них. – Легче консервной банкой человека убить, чем этой бутафорией. Что же, вернемся к пропавшему из кухни тесаку. Где он?

– Откуда я знаю? Вы что, его еще не нашли?

– Нет.

– Так сначала найдите, а потом уж доставайте меня своими вопросами.

– Мы поищем, – зловеще прокаркал оперативник. – Поищем и обязательно найдем.

Аю похолодела. Плохи ее дела. Совсем плохи. Ведь действительно могут и найти проклятый тесак. А в ресторане полно глупых старух, которым может померещиться бог знает что. Взять хотя бы бабу Тату. Она одна стоит целого сарафанного радио. Причем новости она способна исказить до такой степени, что понять трудно, о чем первоначально шла речь. Баба Тата вполне может наболтать оперативникам, что лично видела, как Аю прятала тесак, да что угодно может наплести.

И как раз в тот момент, когда Аю уже прощалась со своей свободной жизнью, в кабинет к оперативникам заглянул какой-то высокий мужчина с густой, тщательно подстриженной рыжей бородой и такими же рыжими густыми волосами, падающими у него на плечи, словно шлем. Почему-то при одном взгляде на этого рыжего здоровяка Аю стало легко и весело.

– Дирекция ресторана, – пророкотал здоровяк, – вас просит зайти к ним.

– Зачем?

– Нам кажется, что мы нашли орудие убийства.

Оперативники немедленно сорвались с места. И даже Аю последовала за ними. Никто ее не остановил. Так что она лично присутствовала, когда огромный мясницкий тесак достали из-за груды кастрюль, сложенных в углу кухни.

В этих кастрюлях обычно готовился гарнир для банкетов. Или отваривались овощи для салатов. В каждую из них помещалось не меньше двадцати-тридцати литров воды. И вот за ними как раз и лежал тесак мясника.

– На нем кровь, – заметил один из оперативников. – Все ясно! Оружие на экспертизу!

Мясник пытался что-то вякать, доказывая, что только вчера разделял тесаком туши прибывших барашков. Что так запарился с мясом, что даже ножи не помыл. И что кровь на тесаке вполне может принадлежать несчастным овечкам, которых он порубил на более или менее мелкие части и запихнул в морозильные камеры.

– Эксперты определяют, чья это кровь! – зловеще произнес оперативник и, взглянув на Аю, добавил явно специально для нее: – А также наши эксперты выяснят, чьи вообще отпечатки имеются на орудии убийства.

После этого оперативник повез Аю в отделение.

– Вы меня арестовали?

– Пока что нам просто нужны ваши отпечатки пальцев. Ясно?

Чего уж тут неясного! Сначала отпечатки пальцев снимут. Потом заявят, что хотя на тесаке их и нету, но это выглядит все равно подозрительно. Оперативники явно нацелились на Аю как на главную подозреваемую.

– С вашим мужем вы не были официально разведены? Я правильно понимаю?

– Не были.

– Значит, в случае его смерти вы являетесь законной наследницей?

– Как и он моим наследником!

– Но у вас-то наследовать нечего! Насколько я понял, у вас комната в коммунальной квартире. А вот у вашего мужа была отдельная жилплощадь.

Аю промолчала. Когда они с мужем начинали совместную жизнь, то у него была жалкая «двушка» даже не в «хрущевском» доме, а в каком-то довоенной постройки барачного типа ангаре. Горячей воды там не было просто потому, что трубы отсутствовали. Газовые горелки тоже. И в морозы все отапливались как и чем придется.

У самой Аюши жилье хотя и числилось коммунальным, но на самом деле она давно продала маленькую папину комнатку и перебралась сначала в комнату побольше, а потом и в совсем просторную. Из этой просторной комнаты с потолками под пять метров получилась очень уютная квартирка. На первом этаже находилась просторная гостиная, она же столовая и кухня. Там же были расположены туалет и ванная комната. А на втором этаже у Аю была устроена спальня.

В их квартире почти у всех соседей были подобные квартирки. Русский человек изобретателен. И чего ради, скажите на милость, терять драгоценные квадратные метры, если можно строиться не только вширь, но и ввысь?

– Я не убивала мужа ради его клоповника, – прошептала Аю, обращаясь больше к самой себе, чем к ментам. – Я его вообще не убивала! Неужели вы думаете, что мне было под силу нанести такой удар?

Оперативники и следователь переглянулись. Да, это было слабым местом в их версии. Рост Аю не превышал метра пятидесяти четырех сантиметров. Телосложение очень изящное – типично азиатское. А косточки хрупкие, как у настоящей птички. Сама она весила иногда сорок четыре, иногда сорок шесть килограммов. А когда ее вес достигал пятидесяти, Аю считала, что непозволительно разжирела.

– Ваш муж не ожидал нападения, – наконец произнес один из оперативников. – Вы воспользовались фактором внезапности.

Да что же это такое! Они открыто обвиняют Аю в том, чего она не делала! Обвиняют без малейших доказательств!

– Знаете что! – вспыхнула Аю. – Вы все-таки не заговаривайтесь уж слишком! Мне тот тесак, который вы нашли, даже элементарно в руки не взять. А если и взять, то уж точно не поднять. И я своего мужа не убивала. Что он делал возле ресторана, понятия не имею! Если он и ждал меня, чтобы поговорить, то никакого разговора у нас с ним не получилось.

– Почему?

– Вы спрашиваете, почему не получилось? Господи помилуй, а потому что его убили!

Она доказывала явно туповатым ребятам, что не виновата, битых два часа. И лишь после этого они ее отпустили. И не потому, что поверили ей. А потому, что действительно не могли ей ничего предъявить, кроме родства с потерпевшим. Конечно, найдись в доказательство вины Аю хотя бы малюсенькая улика, они бы ее сцапали. А так, нет, не посмели.

На дворе, когда Аю отпустили, была уже ночь. Но Аю вылетела из отделения словно пробка. Плевать, что метро закрыто! Плевать, что вокруг темным-темно. Как-нибудь она доберется до своей норки! Небось ей не впервой шататься по ночам, по холоду, по темноте.

Какое счастье, что ее отпустили! Господи, даже представить себе страшно – очутиться в тюремной камере!

– Ой, ой, ой! – бормотала Аю, забравшись в теплое нутро такси и продолжая трястись от холода. – Ой, ой, ой!

– Девушка, что с вами? – опасливо покосился на нее таксист. – У вас такой вид, словно вы с того света вернулись.

– Так и есть.

– А вы, часом, не больная? – еще более опасливо поинтересовался мужик. – А то мне заразы в машине не нужно.

– Я не больная.

– А трясетесь чего?

– Меня только что обвинили в убийстве собственного мужа и чудом не упрятали в каталожку на долгие годы! Как думаете, это достаточный повод, чтобы начать трястись?

Аю хотела добавить еще кое-что, но сочла, что и этого будет достаточно. И замолчала.

Водитель покосился на нее еще раз, явно рассчитывая на то, что Аю всего лишь шутит. Убедился, что на шутку ее заявление мало похоже. И поспешно нажал на газ, больше к Аю с разговорами не приставая.

Глава 3

Дома Аю встретил ее песик – Клоун. Очаровательное крохотное существо, карликовый шпиц с белоснежной густой шерсткой и темными блестящими глазками-бусинками. Одно время Аю лелеяла мысль выучить Клоуна различным трюкам и брать его с собой на выступления. Но очень быстро оказалось, что Клоун ни на что подобное не годен.

Не то чтобы Клоун был глуп или ленив. Песик с удовольствием выполнял все трюки. Быстро и охотно схватывая цирковую премудрость буквально на лету – кувыркался, прыгал, лаял по команде, но... Но все это он делал только под настроение и только дома. Стоило ему оказаться перед публикой, как он превращался в полного тупицу.

Помучившись с Клоуном, Аю оставила идею сделать из него пса-артиста. Да и зачем? Она сама зарабатывала больше, чем они с Клоуном могли потратить. А Клоун, чтобы отплатить хозяйке добром за ласку, всегда старался чем-то ее порадовать. Вот и сейчас, несмотря на позднее время, он встретил ее у дверей, попрыгал и сделал в воздухе сальто. А потом умчался и вернулся назад с уже теплыми тапочками, которые Аю перед уходом оставляла у батареи центрального отопления, а Клоун их ей притаскивал, когда она возвращалась домой.

– Спасибо тебе, кнопочка, – ласково поблагодарила песика Аю.

Клоун вопросительно посмотрел на нее, потом на входную дверь.

– Нет, я пришла одна, – со вздохом произнесла Аю.

Теперь Клоун покосился на поводок и ошейник.

– Нет, и гулять мы тоже не пойдем.

Клоун слегка огорчился. Но нрав у него был слишком веселый, чтобы надолго грустить из-за мелочей. И он снова весело запрыгал по коридору. Вопрос прогулки у них с Аю решался очень просто. Клоун был таким маленьким, что охотно пользовался кошачьим лотком, не испытывая при этом ни малейшего конфуза. Так что гулять они с Аю ходили исключительно ради удовольствия, а не потому, что Клоуну это было позарез нужно.

Оказавшись дома, Аю первым делом забралась под душ. Но долго не могла согреться. Она все прибавляла и прибавляла струю горячей воды. Кожа у нее покраснела, но внутри Аю сидел озноб.

Она простояла в горячей воде почти полчаса, но так до конца и не согрелась. Пришлось догреваться горячим чаем, которого Аю выпила целых две кружки, щедро разбавив напиток веселящим душу виски. Она бы предпочла коньяк, тогда чай получался не только веселящим, но и ароматным, однако коньяка в доме не нашлось. Наверное, подружки Аю, когда были у нее в последний раз, допили все остатки.

Наконец, кое-как согревшись, Аю принялась думать. Положение у нее было хуже не придумаешь. Как быть дальше? Испуганное сердечко подсказывало – бежать! Но разум возражал. Куда бежать? Как бежать? И ведь если бежать, значит, подтвердить подозрения милиции на свой счет.

– Нет, никуда я не побегу! Я сама найду убийцу! И докажу, что совершенно не виновата. Вот что я сделаю!

И заметно приободрившаяся, как всегда с ней бывало, когда решение уже принято и его нужно выполнять, Аю расчесала свои длинные темные волосы, которыми она очень гордилась. Просушила их и отправилась в кровать.

Она надеялась, что моментально уснет. Но не тут-то было. Сначала Аю вертелась без сна, а потом позвонил ее домашний телефон.

– Кто это может быть?

Сердце у Аю совершило несколько тревожных скачков. В глубине души она знала, кто может звонить ей в такой поздний час. Знала и поэтому не хотела подходить к телефону.

– Не о чем тут говорить, – пробормотала она, обращаясь к невидимому собеседнику. – Я тебе уже все сказала. Да и ты сказал мне достаточно. Все, дело сделано.

Но человек, звонящий ей ночью по телефону, кажется, так вовсе не думал. Телефон все звонил и звонил, пока Аю не выдернула шнур из розетки. Потревоженный Клоун пришел к ее кровати и несколько раз недоуменно твякнул, глядя на хозяйку. Почему ты не хочешь поговорить с ним? Ведь ты же хочешь этого, я вижу!

– Ах, да отстань ты! – воскликнула Аю, обращаясь к песику и едва сдерживая слезы. – Тоже нашелся заступник! Если хочешь знать, то он сам во всем виноват! И лучше бы тебе не знать всего, что он сделал!

Она рухнула обратно на подушки, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не зареветь. Личная жизнь разбилась вдребезги. А еще ее обвиняют в убийстве бывшего мужа. И кто ответит, какая из этих двух бед более болезненна.

Аю снова стало трясти, как в ознобе. Она накрылась вторым одеялом, но это не помогало.

– Буду решать проблемы по мере их поступления, – попыталась она вразумить себя. – Сначала разберусь с убийством. А потом... Потом, глядишь, и личную жизнь налажу.

Однако уже утром вчерашнее ее решение – самостоятельно расследовать убийство – показалось Аю далеко не таким правильным и взвешенным. Начать с того, как и что она будет расследовать? Она понятия не имела, с какой стороны подступиться к этому делу. Ведь ничего подобного в своей жизни она не делала!

И чем дольше размышляла Аю над этим вопросом, тем ясней понимала – она просто не сможет этого сделать! Ведь она даже толком не выяснила, почему расстались ее родители, которые, казалось, души друг в друге не чаяли. Просто приняла на веру слова отца, что матери надоела холодная угрюмая Россия. И она захотела вернуться в родной Вьетнам.

Вообще-то в глубине души Аю мало верила в нечто подобное. Потому что прекрасно помнила: во Вьетнаме хотя и было тепло и почти не было зимы, но жизнь там тоже была не сахар. Особенно для одинокой женщины с двумя маленькими детьми на руках.

Однако в телефонных разговорах с дочерью ее мать в качестве оправдания своего бегства твердила о своей любви к родине. И о том, что расстаться с родиной не смогла. А вот с обожаемым мужем очень даже смогла. И Аю должна ее понять. Но Аю так ничего и не поняла. Правда, и выяснять ничего не стала.

И вот теперь она думала: если уж она не стала выяснять, что же произошло у ее горячо любимых родителей, какая кошка пробежала между ними, то как она сумеет расследовать убийство собственного давно забытого мужа? Ведь это же надо куда-то ходить, с кем-то разговаривать, что-то спрашивать. А что? С кем? Куда? И у кого?

Мысли Аю все еще беспорядочно метались, когда в ее дверь позвонили. Аю насторожилась. Кто это мог быть? Неужели ОН? Все-таки пришел? Несмотря на строгий запрет, который наложила Аю на его визиты? Господи, хоть бы это в самом деле был ОН!

В том, что звонили именно Аю, сомнений не было. Дверь из общего коридора, которая выходила на лестницу, была снабжена сразу семью звонками. По числу проживающих в квартире семей. И сейчас звонил именно ее звонок, звонили к Аю.

Но если бы звонил ОН, то звонок был бы другим. Сначала три короткие трели, потом одна длинная. И снова три короткие. ОН всегда так звонил. Только так и никак иначе. Значит, не ОН. А кто же? Полиция! Тяжело вздохнув, Аю подавила в себе трусливое желание не подходить к двери. И все-таки подошла.

– Кто там? – спросила она и взглянула в глазок.

Там стоял высокий рыжеволосый мужчина. Чем-то его лицо было Аюше знакомо. К тому же рядом с ним стояла еще какая-то высокая светловолосая женщина тоже со славным и открытым лицом. И директор ресторана, в котором Аю вчера пела. Этот последний и заставил ее открыть дверь.

– Добрый день, – растерянно произнесла она. – То есть доброе утро. Вы ко мне?

Вопрос был явно глупым. К кому же еще могли прийти эти трое? Но вопроса умней она просто не придумала.

– К тебе, – кивнул ей коротконогий и лысый Геннадий Карлович – директор их ресторана.

На самом деле он был одним из директоров. Исполнительным, что ли. Но в отличие от двух других директоров он находился в ресторане почти постоянно. И собственно говоря, он им и управлял. За глаза сотрудники звали его Крокодилем Геной. Во-первых, за подходящее имя. А во-вторых, за явное сходство его фигуры с коротколапым аллигатором.

– Пройти можно?

– Да-да! – заторопилась Аю. – Проходите! Клоун, угомонись! Вот тапочки. А впрочем, можете и так. Я давно не убиралась.

Гости вошли и с интересом огляделись.

– Неплохо ты устроилась, – похвалил Аю ее директор. – Интересное решение планировки квартиры. Сама додумалась или кто подсказал?

– У всех соседей так сделано. Я тут ничего не придумывала. Просто вызвала мастеров, они все и сделали.

– Молодец, молодец! – рассеянно повторил директор.

Но Аю видела, что его мысли далеки от ее квартиры. И хвалит он ее только для того, чтобы хоть что-нибудь сказать.

– Послушай, Аю, – произнес Геннадий Карлович, когда наконец устроился в глубоком гостевом кресле, которое стояла у Аю, опять же, в гостевой зоне. – Ты ведь этого мужика не убивала, верно?

– Конечно!

– Вот и я так думаю. Зачем тебе его убивать?! Даже если он тебе и муж, так что с того?

– Не убивала я его, Геннадий Карлович.

Аю едва не плакала. И за что ей все это? Мало того что у нее такая личная драма, так теперь еще и на репутации вечное пятно. Если настоящий убийца не будет найден, то все в ресторане станут шушукаться за ее спиной. И это еще хорошо, если просто шушукаться! А то ведь могут и просто арестовать и посадить в тюрьму! Без вины виноватую!

– Нет, Аю, – твердо произнес Геннадий Карлович. – Этого я не могу допустить!

Аю изумленно на него уставилась. Она и не подозревала, насколько Геннадий Карлович был заинтересован в ее судьбе. Обычно-то директор свысока кивал певице в ответ на ее приветствие и проходил мимо. Вот и все их общение. С чего бы это ему так перемениться к ней?

– Пойми меня правильно, – поморщился Геннадий Карлович. – Нам эта шумиха вокруг твоего имени нужна еще меньше, чем тебе самой. Репутация нашего заведения и так пострадала. А если станет известно, что моя сотрудница свела счеты с собственным мужем у меня в ресторане, то это же просто скандал! Форменный скандал!

Вот оно что! В голове у Аю прояснилось. Выходит, Геннадий Карлович заботится не о ней, а о репутации своего ресторана. Что же, по крайней мере, это понятно. И все же в душе у Аю промелькнуло нечто похожее на сожаление. На нее лично директору плевать. Его заботит только судьба заведения. И всем прочим на нее тоже плевать. А ей сейчас так нужен близкий человек рядом. Вот если бы рядом с ней в этот тяжелый момент был хотя бы один человек, кто бы искренне ей сочувствовал, насколько было бы легче!

Но, увы, такой роскоши, как поддержка близкого человека, Аю не знала с пятнадцати лет. Именно с тех пор, как умер ее отец. И снова Аю почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Но она опять думала не про убийство и не про своего давно усопшего родителя. За что же ОН был с ней так жесток?

И Аю вспомнила их последний вечер вдвоем. О том, чтобы заговорить с ним по душам, не могло быть и речи. И Аю просто выгнала его. Выгнала, потому что не могла найти предлога, чтобы оставить.

– Аю! – прозвучал у нее над ухом голос директора. – Ты где, девочка?

– Я тут.

– У тебя было такое лицо, словно ты улетела за сотни километров, – недовольно пробурчал директор.

И Аю торопливо, словно ее поймали на чем-то недозволенном, возразила:

– Нет, я тут.

– Надеюсь, ты меня понимаешь?

– Я понимаю. Но Геннадий Карлович... Я не виновата!

– Верю! И мы должны это доказать!

– Мы? – снова изумилась Аю. – Мы? Доказать?

– Да, мы должны доказать, что ты ни в чем не виновата.

– Вообще-то я тоже думала самой поискать убийцу своего мужа. Но я не представляю, с чего начать.

– А тебе и не нужно! – бодро заверил ее Геннадий Карлович. – Тебе и не надо представлять. Тебе поможет настоящий профессионал!

– Это кто же?

– Моя жена, – пророкотал рыжий бородач, хранивший до сих пор молчание.

При звуке его голоса Клоун испуганно присел на задние лапки. А потом уважительно подкрался поближе к стулу рыжего великана и занял место возле его ноги. Это было самым явным проявлением душевного расположения со стороны Клоуна. Песик безошибочно уяснил для себя, кто является самым сильным самцом – вожаком стаи. И занял место поближе к нему.

Теперь Аю наконец вспомнила, где видела этого рыжего великана. Это именно он вчера появился и сообщил оперативникам, что найден тесак.

– Моей жене частенько приходилось распутывать и куда более запутанные истории, – продолжал рокотать бородач. – Так что она справится. Можешь быть в этом совершенно уверена.

Аюша перевела взгляд на высокую блондинку, которая сидела рядом с рыжим мужчиной. Та ободряюще кивнула ей и широко улыбнулась. Улыбка у блондинки оказалась настолько заразительной и дружелюбной, что Аю невольно улыбнулась ей в ответ.

– Мы были вчера в вашем ресторане, – произнесла блондинка. – И слышали, как ты поешь и танцуешь. Ты просто молодец!

– Спасибо вам.

– Говори мне ты. Кстати, меня зовут Мариша! И обойдемся без отчеств. Не люблю разводить цирлих-манирлих.

– Хорошо, – кивнула Аю. – А как мы будем расследовать?

Мариша тряхнула головой.

– Для начала ты должна рассказать мне все, что ты знаешь о своем муже.

– Но мы с ним не виделись пять лет.

– Неважно. Когда-то вы были супругами. И вряд ли взрослый человек за каких-то пять лет может в корне измениться.

Аю вздохнула и покосилась на мужчин. Разговаривать в их присутствии она, честно говоря, немного стеснялась. Но ни директор, ни рыжий бородач, которого звали смешным английским именем Смол – маленький, хотя он был огромный, громкий и широкоплечий, словно древний викинг, ее смущения не поняли. Они продолжали сидеть и с явным интересом ожидали рассказа Аю.

– Мой муж сильно пил, – произнесла Аю как можно более нейтральным тоном. – Бил и дрался. Я вытерпела ровно два месяца. А потом, подсчитав количество синяков, которые появились у меня за это время, и разделив их на количество счастливых или, во всяком случае, спокойных дней, собрала свои вещи и ушла.

– И все?

– Все.

– А как же любовь?

Как ни странно, этот вопрос задала Аю не Мариша, а сам Геннадий Карлович. Аю даже смешно стало. Любовь ему подавай! Романтик кривоногий!

Однако она смеяться не стала, а, наоборот, очень вежливо сказала:

– После того как муж поколотил меня ни за что в первый раз, любовь куда-то испарилась. Я сначала и сама не поняла, как это произошло. И еще целый месяц жила с ним как бы по инерции. А потом меня внезапно осенило, что без этого человека я буду чувствовать себя куда счастливее, чем рядом с ним. И... И ушла.

– Ясно, – кивнула головой Мариша. – Насчет причин, по каким вы расстались с мужем, мне все ясно. А что ты можешь сказать о своем муже как о человеке вообще? Он ведь не все время пил?

- Нет, конечно.
- И где-то работал, да?
- Да.
- И где?
- Вообще-то мы с ним познакомились во время учебы. Он тоже музыкант.
- Коллеги, значит.
- Да, коллеги. Но только я активно тружусь, а он из тех творческих людей, у которых всегда простой. Одна работа им не нравится, для другой не подходят уже они сами. И в результате просто валяются на диване, перебиваясь редкой халтурой.
- И чем все-таки зарабатывал себе на жизнь твой муж?
- Ну, он вел праздники.
- Праздники?
- Свадьбы, банкеты. Он ведь клавишник. Вот и сидел за своими клавишами, пел песенки и получал за такое музыкальное сопровождение свадьбы или другого банкета неплохие деньги.
- Понятно. А после?
- После работы?
- Да. Что он делал?
- А заработав какие-то деньги, он покупал себе спиртное, закуску. Пил и колотил меня, пока деньги не кончались. Тогда он трезвел, извинялся за свое поведение, снова зарабатывал деньги на очередной свадьбе, и все шло по тому же кругу.
- Да уж. Твоей супружеской жизни не позавидуешь.
- О чем и речь, – вздохнула Аю. – Никакой радости я в этом замужестве не увидела. А теперь еще и в тюрьму могу сесть. А ведь я этого недотепу не убивала. За что же меня в тюрьму сажать?
- Не сядешь ты ни в какую тюрьму. Если ни в чем не виновата, то не сядешь. Родители у твоего мужа есть?
- Наверное.
- Наверное? Ты не знаешь точно?
- На нашей свадьбе их точно не было. Но у нас вообще была такая студенческая вечеринка вместо свадьбы. Родителям там было совсем не место.
- А после свадьбы? Муж тебя с ними не знакомил?
- Нет.
- А другие родственники?
- Помню, муж рассказывал, что у него есть старшая сестра. Что она его образ жизни не одобряет, а потому они почти не общаются.
- Что именно она не одобряла? Что ее брат музыкант?
- И это тоже. Его сестра была замужем за прапорщиком и считала, что все люди искусства – сплошь бездельники и пьяницы. И учитывая, что единственным представителем мира искусства в ее окружении был родной брат, я ее осуждать не могу.
- Так, – задумалась Мариша. – Ситуация довольно сложная. Родителей нет. Сестра тоже вряд ли что-нибудь нам скажет. А где жил твой муж? Адрес помнишь?
- Да, конечно.
- Тогда собирайся и поедем.
- Куда?
- По месту жительства твоего покойного супруга.
- Аю недоумевающе вытаращилась на свою новую знакомую. Она как-то не предполагала, что их расследование начнется вот так сразу, с места в карьер.
- Вы что, всерьез беретесь за это дело?

– Во-первых, мы договорились, что будем на «ты». А во-вторых, я что, похожа на обманщицу?

– Нет. Но...

– Тогда собирайся побыстрее. Время сейчас дорого. И в первую очередь для тебя. Ведь Геннадий Карлович рискует только репутацией, да и то не своей, а своего ресторана. А ты... ты верно заметила, ты рискуешь очень многим.

Аю прикинула, как много она может потерять, если угодит за решетку. Выходило, что очень много. То, что еще недавно представлялось ей пустяком, о котором даже упоминать стыдно, теперь приобретало черты грандиозного успеха в жизни.

В самом деле, рано оставшись практически сиротой, она не только преуспела в этой жизни, превратив десятиметровую комнатку в коммуналке в отдельную двухкомнатную и двухэтажную квартирку, но еще и помогала все эти годы своей матери и двум братишкам. И как подозревала Аю, она помогала еще и остальной весьма многочисленной вьетнамской родне, с которой ее мать делилась теми крохами, что ей присылала старшая дочь – певица и артистка. И как будут жить все эти люди, если Аю посадят в тюрьму и она больше не сможет помочь им? Ее старенькая бабушка не купит себе те лекарства, которые ей так нужны. Братишки не окончат школу, потому что им придется идти работать, может быть, разгружать вагоны с рисом или таскать мешки с овощами на городском рынке. Мама, конечно, как-то протянет на те деньги, которые зарабатывает сама своим шитьем. Но этих крох ей едва ли хватит самой. Прокормить на них еще три рта она просто физически не сможет.

Аю знала, что ее родственники отнюдь не шикуют. Но все же благодаря ее деньгам, которые она им регулярно посылала, они все могли жить куда лучше, чем многие окружающие их друзья и соседи. А что будет с Клоуном? Кто его возьмет к себе, если Аю исчезнет? Песик просто погибнет. Нет, нельзя допустить, чтобы вся ее налаженная жизнь вдруг в один момент разрушилась.

– Ладно, – заторопилась она. – Я сейчас! Мигом!

Оделась Аю с рекордной скоростью. Нацепила джинсы, теплую уютную водолазку, сверху шерстяную грубой вязки, но очень теплую жилетку и шарф на шею. Когда на улице холодно, мокро и сыро, уже не до красоты. Аю была девушкой крепкой. Но промозглая питерская сырость была способна свалить с ног кого угодно. И зимой теплолюбивая Аюша всегда страшно мерзла. Так что поверх трех слоев одежды она надела еще и кожаную куртку, в которой было очень удобно ходить под капающей с неба мерзостью.

– Я готова!

– Тогда поехали.

Мариша поднялась с места и двинулась к дверям.

– Нет, вы с нами не ездите, – остановила она мужчин, когда они все вышли из квартиры Аю и оказались на улице. – Мы поедем только с ней вдвоем. Так будет лучше.

– Кому это лучше? – возмутился Смайл.

– Совсем не нужно приезжать туда большой компанией. Возможно, соседи еще ничего не знают о том, что произошло с мужем Аюши.

– Как же! Менты небось уже побывали там раз десять!

– У тебя слишком хорошее представление о наших работниках правопорядка. А я вот, напротив, почти уверена, что ни один из них еще туда не добрался.

В итоге Марише удалось убедить мужчин ехать по своим делам, а расследование пока что предоставить им с Аю.

– Когда понадобится ваша помощь, мы обязательно обратимся к вам, – клятвенно заверила она мужа и Геннадия Карловича.

– Только обязательно! – воскликнул Смайл. – Слышишь меня?

– Да.

– Не так, как ты поступаешь обычно! Все проворачиваешь сама, а я узнаю обо всем уже либо когда все кончается, либо когда мне приходится вытаскивать тебя из лап преступников.

– Мы будем очень осторожны.

– Надеюсь!

На этом и расстались. Девушки сели в ярко-красный «Форд» Мариши и поехали к дому, где жил муж Аю. Как успела рассказать Аю по дороге, звали его Петей, Петрушей. Был он тогда анемичного вида худеньким и высоким блондином. И в свои двадцать пять лет выглядел от силы на восемнадцать.

– Вот я сейчас думаю и никак не могу понять, зачем мне тогда вообще понадобилось выходить за него замуж.

– Наверное, ты его полюбила? – предположила Мариша.

– Ну, определенные чувства у меня к нему были. Понимаешь, он был очень верным. Таскался за мной, словно собачка, целых три года. Куда я, туда и он. Меня он не раздражал. Я принимала эту его привязчивость за любовь. Хотя на самом деле, подозреваю, он был просто слегка не в себе.

– Что ты имеешь в виду?

– Хотя бы нашу сексуальную жизнь.

– А что с ней было не так?

– Хотя бы то, что ее вовсе не было!

– То есть как?! – изумилась Мариша. – Вы с мужем не занимались сексом?

– Нет.

– Вообще никаким?

– Совершенно.

– Шутишь! – не поверила ей Мариша.

– И не думала даже.

– А зачем же ты вышла замуж за такого недотепу?

– Понимаешь, до свадьбы я воспринимала отсутствие у нас секса как естественное проявление его светлых чувств ко мне. Ну, всякая там невинность невесты, святость брачного ложа и все такое. Хотя невинной меня трудно было назвать. Не знаю, стоит ли тебе говорить, но когда мы познакомились, я одно время подрабатывала в пип-шоу. Слышала о таком?

– Это когда девушка делает вид, что не знает, что за ней наблюдают, и медленно под музыку раздевается? Разновидность стриптиза? Только клиент ее видит, а она его нет?

– Да.

– И Петя, то есть твой муж, знал, чем ты занималась?

– Конечно. Я ему сказала. Но Петя все равно так ко мне относился... Уважительно, трепетно, нежно! Говорил, что я его крошечка. Дюймовочкой называл. Пальчики целовал. В общем, я решила, что он все серьезные интимные радости откладывает на после свадьбы.

– Но после свадьбы ничего не изменилось?

– Нет.

– И вы даже не спали вместе?

– Спать-то мы спали, – вздохнула Аю. – Если честно, то мы с Петей спали на одном диване. Но только просто потому, что второго спального места в его квартире не было. Но при этом мы друг до друга не дотрагивались.

– Никак?

– Угу.

– И тебя это устраивало?

– Конечно, нет! Вначале я даже пыталась как-то расшевелить муженька.

– И что?

– Ты бы видела, как он взвился от одного моего прикосновения! Вылетел из постели, словно его оттуда стальной пружиной выбросило. И еще устроил мне дикую истерику, что я испорченная похотливая дрянь. Что мне, как и всем женщинам, нужно от мужчины только одно. Честное слово, в тот момент у меня и zakралось подозрение, что в голове у моего Петеньки полный кавардак.

– А дальше? Неужели ему тебя в один прекрасный момент не захотелось? Ведь ты красивая девушка.

– Может быть, когда-нибудь ему бы и захотелось, но только я так долго ждать не стала, – мрачно произнесла Аю. – Ушла и постаралась выбросить мужа и все его странности из головы.

Пораженная поведением молодого мужчины, Мариша не обратила внимания на эту фразу. А зря! Стоило бы узнать, что подразумевает Аю под словами «все его странности».

Дом, в котором жил убитый Петенька, оказался еще хуже, чем его описывала Аю.

– Ну и трущоба!

– Сама поражена, – призналась Аю. – Видимо, за прошедшие пять лет тут ни разу не делали не только ремонта, но даже и намека на него не было.

Дом врос в землю по самые окна первого этажа. Так что в квартиры можно было свободно заходить как через дверь, так и через окна. Но самих хозяев это обстоятельство, кажется, не слишком заботило. Ни в одних окнах тут не было решеток. А из этого следовал только один вывод – красть у обитателей этого дома нечего. Ни один уважающий себя домушник просто не сунулся бы сюда. Потому что все, что стояло в квартирах жильцов или было надето на них самих, легко можно было подобрать на окрестных помойках.

– Жуть какая-то! – пробормотала Мариша, заглянув внутрь подъезда. – И тут живут люди?

– Еще как! В каждой квартире!

– И дом не предназначен под снос?

– Может быть, и предназначен. Но никто на него не зарится. Местечко, сама видишь, не ахти.

Действительно, место было под стать самому дому. Неподалеку начиналось старое кладбище, а вокруг дома простирался пустырь, захламленный до такой степени, что из-за груд мусора было трудно различить кладбищенские кресты. Хорошо это или плохо, Мариша определить затруднялась. Место ей активно не понравилось. И лично она дорого бы дала, чтобы отсюда выбраться.

– И менты подозревают тебя в том, что ты убила мужа из-за его жилплощади?

– Да.

– Ну и дураки! Ничего, небось приедут, взглянут разок на такую недвижимость, мигом про свои подозрения забудут.

Но в душе Мариша понимала, что не права. Как ни был плох домик, даже в нем квартиры чего-нибудь да и стоили. Так что надо искать убийцу, а не уповать на здравомыслие ментов.

Аю же, которая в это время разглядывала дом, словно видела его впервые, внезапно задумчиво произнесла:

– Наверное, я в самом деле любила Петьку. Раз уж согласилась переехать к нему в это жуткое место.

– Ты тут прожила недолго, я это понимаю. Но с кем-нибудь из соседей ты подружилась?

– Только с бабой Маней.

– Соседка твоего мужа?

– Да. За стеной жила. Сначала приходила к нам скандалить, что мы ей ночами спать не даем, но потом...

– Постой, постой! Ты же говорила, что вы с мужем вели совершенно безгрешную жизнь! Никакого секса.

– Так и было.

– А почему же тогда соседка жаловалась? Если секса не было.

– Так мы спать своим пением не давали.

– Ах, вот оно что! Значит, по ночам вы пели?

– Репетировали. У нас в тот момент был план – мы задумали поехать вместе с Петей на один молодежный музыкальный конкурс. И мы готовили номер.

– Чудно! Чудно! – проворчала Мариша, хотя ровно ничего чудесного не видела. – Значит, вместо бурного молодежного секса вы с ним репетировали?

– Ну да.

Мариша все больше и больше убеждалась, что с головой у Петеньки в самом деле было плохо. Ну какой нормальный здоровый мужик станет сидеть ночью с молодой женой и распевать песни? Только полный кретин или больной!

– И что эта баба Маня?

– Ну, она сначала думала, что мы музыку включаем, чтобы не было слышно, как мы в постели кувыркаемся. Но когда я ей объяснила, что мы с Петей действительно к конкурсу готовимся, она ко мне удивительно прониклась. И даже стала меня своими пирогами подкармливать. Она любит пироги печь. И почти каждый день мне на пробу приносила. То с картошкой, то с грибами, а то с малиной или яблоками.

«Еще бы не проникнуться, – подумала про себя Мариша. – пожалела небось бедную девчонку, которой в мужья достался такой кретин».

– Так что вы с этой бабой Маней подружились?

– Можно сказать и так. Между прочим, это она мне сказала, чтобы я не тянула, а бежала от алкоголика. А то, сказала, так и проходишь всю жизнь битой.

– Что же, пошли к этой бабе Мане.

Как ни странно, за прошедшие пять лет баба Маня никуда не делась. И Аюшу узнала с первого взгляда.

– А-а-а... – протянула она. – Снова ты! Ну, заходи, заходи.

– Баба Маня, я не одна. Я с подругой.

– Вместе и заходите! Нечего на пороге церемонии разводить.

Сама баба Маня выглядела как обычная замордованная тяжелой полунницей жизнью старуха. Одетая она была в потертый от времени домашний халат, когда-то бывший пестрым, а ныне ставший почти бесцветным. Волосы она стягивала в тугий пучок на затылке обычной аптечной резинкой. Ноги обувала в удобные разношенные войлочные тапки. И вообще, за красотой не гналась.

– Пироги будете? – деловито осведомилась она у девушек. – Вчера напекла с капустой. Крестник в гости обещал явиться, да не добрался. Часть я сама съела, а часть осталась. Ну, будете, пока не зачерствели?

Девушки от пирогов не отказались. Пироги тоже у бабы Мани были похожи на нее саму. Такие же основательные, серьезные и без всяких фокусов. Обычные пироги с капустой. Серое тесто, ничем не замаскированный запах жаренной на постном масле капусты, толстая корка. Но подогретые на сковородке, они оказались вполне съедобными.

Пока девушки лакомились угощением, баба Маня устроилась на расшатанном стуле и пила чай из огромной чашки с красными петухами.

– А твоего дома нету, – неожиданно заявила она, обращаясь к Аю.

Та поперхнулась куском пирога.

– Я знаю.

– А чего пришла тогда? – удивилась баба Маня. – Или с полюбовницей Петькиной отношения задумала выяснять? Так это зря! Тебе такой мужик все равно сто лет в обед не нужен.

– Почему?

– А потому! Ты вон какая красавица. Расцвела, похорошела. Говорят, что и карьера у тебя успешно складывается.

– Кто говорит?

– Петька и говорит. Сам-то он не больно в жизни преуспел. Все по свадьбам да по праздникам разным людей увеселяет. Паец!

– Но я тоже всего лишь в ресторане пою.

– Надо же! – удивилась баба Маня. – А Петька мне заливал, что ты известной личностью стала. На больших сценах выступаешь!

– Ничего подобного! Врал, должно быть, с пьяных глаз! Он ведь все еще пьет?

– Пьет, – согласилась баба Маня. – Как не пить, конечно, пьет. Да и когда вы с ним жили, он за воротник любил залить. Разве не помнишь, как у меня отсиживалась, когда он на тебя с кулаками пер?

Аю только вздохнула. Она это помнила прекрасно. Вот ведь странное дело: трезвым Петя бывал скорее робок, словно серый лесной зайчик. Но стоило спиртному попасть к нему в глотку, как серый зайчик мигом отрачивал острые волчьи зубы и был готов к битве не на жизнь, а на смерть.

На старом месте воспоминания нахлынули на нее с новой силой. Как давно это было! И как скверно тогда ей жилось! Сейчас все куда лучше. Вот только бы отвязаться от обвинения в убийстве, и тогда вообще все будет просто прекрасно. И снова помимо воли в голову Аю полезли мысли о НЕМ. И Аю тяжело вздохнула.

– Баба Маня, а что за девушка живет теперь с Петей?

– Девушка! – хмыкнула баба Маня. – Тетушка, а не девушка! Старше его самого лет на двадцать. Огромная, жирная. Когда они рядом идут, то просто мать и сын. Честное слово! Где уж он ее откопал, понятия не имею! А только по всему видать, чувства у них друг к другу имеются.

– А можно с ней поговорить?

– Поговори, – неодобрительно поджала губы баба Маня. – Дома она. Только я тебе свое мнение сказала. Ты – девушка молодая, красивая и успешная. А Петька твой бывший – он пустышка. И он тебе не пара. С ним только такая квашня и станет возиться, как его Ленка. Поняла?

– Поняла. Но можно я с ней поговорю?

– Иди, кто же тебя держит!

Но когда девушки вышли, Мариша заметила, что баба Маня осталась у двери. Любопытная соседка занялась своим любимым делом – подслушиванием.

Звонить в дверь Петинной квартиры пришлось долго. Упомянутая Ленка не торопилась открывать дверь. Затем раздался топот ног, и дверь распахнулась.

– Петя! Петя – это ты?! Вернулся? Родной мой!

Распахнув дверь, женщина в изумлении замерла на пороге.

– Кто вы такие? – вырвалось у нее. – Что вам нужно? А где Петя?

М-да, менты сюда явно не заглядывали. Эта женщина прождала своего Петю всю ночь. И понятия не имеет о случившемся.

– Вы ведь Лена? – спросила у нее Аю.

– Да. А вы... Ой, вы же его жена!

В голосе Лены слышалась целая гамма чувств – и тревога, и ревность, и зависть к более молодой и красивой сопернице. Сама-то Лена красотой не отличалась. Соседская баба Маня охарактеризовала ее совершенно метко. Квашня, она и есть квашня. Лена была женщиной лет около сорока. Ее белое толстое тело вылезало из всех отверстий на одежде, словно перебро-дившее тесто.

– И что тебе нужно? – опознав Аю, мигом перешла с ней на короткую ногу Лена. – Сразу тебе говорю, Петя не шутил! Он от тебя хочет только одного – развода!

– Что?

– Чего гляделки свои узкие на меня вытаращила? – обозлилась Лена. – Развода, говорю, от тебя Петя хочет! Да и то сказать, сколько можно! Уже пять лет ты его законной женой считаешься! А кто ты ему есть? Жить с ним – не живешь. Заботиться о нем – не заботишься. Обед ему не варишь, носки не стираешь! Гнать тебя в шею надо, вот и все! И правильно, что Петя тебя тогда выгнал. Только я бы на его месте еще и развелась бы с тобой. А он, добрый очень, травмировать тебя все эти годы не хотел. Ну ничего! Уж я сумела ему объяснить что к чему!

Аю пораженно молчала. Но поразила ее весть не о том, что это, оказывается, Петя ее выгнал, а не она сама от него ушла. Поразило другое. Вот оно что! Муж в самом деле приходил в ресторан к ней. Хотел поговорить с ней насчет развода. Видимо, эта баба допекла Петеньку. Вот он и пошел к бывшей жене просить развод. Пошел, да не дошел. Какой ужас! И теперь все станут говорить, что Аю это было только на руку. Обрести статус разведенки – это же позор! Куда лучше остаться мужней женой, пусть и такого хмыря, каким был Петя.

– И давно он это надумал? – только и сумела Аю спросить у своей соперницы.

– Да уж не первый месяц у нас с ним спор идет!

– Что же он мне не позвонил? Не предупредил?

– А потому что надо знать Петю! Такой уж он человек! Или ты не поняла, какой душевно тонкий и ранимый человек тебе в мужья достался?

– Нет. Не поняла.

– И не хотел он по телефону с тобой такую серьезную вещь обсуждать! Лично к тебе поехал! Ясно.

Аю молча кивнула.

– И где он? – снова набросилась на нее Лена. – Ты его видела? Разговаривала с ним?

– Видела. Но не говорила.

– Почему? Почему? Отвечай! Не захотела?

– Потому что мы не смогли с ним поговорить. Петя... Петя был не в состоянии.

– Выпил, что ли? – насторожилась Ленка. – Так не может этого быть. Подшитый он! Я же сама его к врачу и возила. И денег заплатила, чтобы не пил мой Петенька. Чтобы ласковым котеночком был, а не лютым зверем. Отвечай, что же с ним случилось? Говори!

Аю молчала. У нее язык просто не поворачивался сказать этой громогласной особе, что же на самом деле случилось с Петей. Если она сейчас так вопит, то что будет, если она узнает правду?

– Говори! – наступала на нее Ленка. – Говори, дрянь косоглазая, куда Петеньку моего дела?

Это могло плохо кончиться. И Мариша, задвинув щуплую Аю в сторону, выдвинулась на первый план.

– С вашим Петей все очень плохо! – решительно произнесла она.

– Чего это? – осела назад Ленка. – Чего это плохо-то?

– А то! Он убит! Какой-то неизвестный, подкараулив вашего мужа у ресторана, где работает Аю, снес ему полголовы. Ясно вам?

Может быть, кто-то скажет, что Мариша действовала чересчур грубо и напрямик. Что надо было бы подготовить любовницу к страшному известию. Но Мариша считала, что как ни готовь, а ужасная новость все равно будет ужасной. И тянуть долго – это просто жестоко. Как в истории про человека, который очень жалел свою старую домашнюю кошку. Поэтому, когда пришло время ее усыпить, он решил все сделать сам. И убивал ее не сразу, а постепенно.

Сегодня отрезал ей хвост, завтра лапу, послезавтра вторую лапу. И так далее. Жалел потому что очень.

Услышав о том, что ее любовник мертв, Лена позеленела всем своим толстым телом.

– Петя? – выдавила она из себя, жалобно уставившись на Маришу. – Убит?

– Угу.

– Голову ему снесли?

– Только половину, – уточнила Мариша, которая любила во всем точность. – Лицо очень даже неплохо сохранилось. Поэтому его сразу же опознали. И я не понимаю, почему милиция сразу же не сообщила вам о случившемся.

– У меня телефон был все время включен, – прошептала Лена. – Только Петенька свой дома забыл. И паспорт забыл. И другие документы. Он вообще у меня такой рассеянный. Был.

И внезапно закатив глаза, женщина начала сползать по стене всей своей тушей. Мариша и Аю кинулись к ней, чтобы поддержать. Куда там! Даже если бы вместо Аю тут оказался сильный мужчина, ему и тогда пришлось бы попотеть. В Лене было никак не меньше ста килограммов живой плоти. И сейчас эта плоть активно скользила из рук двух девушек.

– Она падает! – воскликнула Аю. – Мариша, она падает!

– Вижу!

Лену им удержать не удалось. Она разлеглась на каменном полу. И короткий халатик некрасиво задрался, обнажая огромные жирные ноги с причудливым родимым пятном в виде кошечки.

– Чего это с ней?

Девушки оглянулись и увидели бабу Маню, выглядывающую из своей квартиры

– Чего это с ней? – повторила соседка, с явным интересом разглядывая голые ноги Ленки. – Сомлела чего?

– Мы ей сказали, что ее Петя умер.

– А зачем?

– Потому что это правда. Вчера вечером его убили.

Баба Маня оказалась покрепче Ленки. То ли потому, что больше повидала в своей жизни. То ли потому, что Петя ей был глубоко безразличен. Только она на ногах устояла. И даже не побледнела. А наоборот, сразу же принялась распоряжаться.

– Ну, убит он там или чего другое, а Ленке тут нечего валяться, – заявила она. – Грязь в подъезде, да и холод. Затащим ее в квартиру. А там уж и разберемся, кого убили, чего убили, зачем убили.

Под руководством бабы Мани девушки волоком перетаскивали, а местами и перекатили толстую Ленку в квартиру ее любовника. Устроили на протертом ковре в прихожей. И на этом сочли свою миссию милосердия выполненной. Они обе едва дышали. И пот, невзирая на холодную погоду, лил с них в три ручья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.